

533

444

В ПОМОЩЬ АГИТКОЛЛЕКТИВАМ.

96

СЕРИЯ I — МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ XIV СЪЕЗДА ВКП(б)

ВОЗМОЖНО ЛИ СТРОИТЕЛЬСТВО И ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СТРАНЕ

Сост. Л. ОХОТНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИИ“

1 9 2 6

ВТОРАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРОЛЕТАРИИ“
КАРЛОВА, 70. И МИХИЛОВА, 38.
ТОРГОВАЯ, № 307, РАМ. № 860.
ТИРАЖ 7.000.

Как проработать тему „О возможности строительства и построения социализма в одной стране“.

Основные разногласия по этому вопросу наметились в партии уже давно, особенно по линии борьбы с троцкизмом. Постольку и материалов на эту тему можно бы привести очень большое количество.

В сущности дискуссия 1923 и 1924 годов проходила по линии отставания от неправильных толкований и взращенной основного ленинского учения о безусловной возможности строительства и построения социализма в одной стране, при условии правильной политики вообще и особенно по отношению к крестьянству, направленной на установление союза рабочего и асса и деревенской бедноты о середняком. Против этой линии, как теоретически (теория перманентной революции), так и практически (политика цен и т. д.) возражала в то время оппозиция во главе с т. Троцким.

Бурный рост нашего хозяйства, особенно за последний год, заставил многих бывших оппозиционеров признать свои прежние ошибки. Но трудности, возникшие в результате этого роста, вызвали сомнения и неверие среди товарищей из новой оппозиции. Начала складываться новая теория о невозможности построения социализма в нашей стране из-за ее технической и экономической отсталости. Эта точка зрения и была высказана товарищами Зановьевым и Каменевым весной 1925 года в Ц.К.

В резолюция съезда по отчету ЦК ответ на этот вопрос дан в следующих словах: „В области экономического строительства съезд исходит из того, что наша страна, — страна диктатуры пролетариата, имеет „все необходимое для построения полного социалистического общества“ (Ленин). Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии. Отчетный год вполне доказал правильность этих положений...

... Съезд считает, что одним из необходимых условий для решения этих задач является борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями „последовательно-социалистического типа“ (Ленин), как предприятия государственно-капиталистические. Такие

идейные течения, делая невозможным скатательное отношение масс к социалистическому строительству, вообще, и к социалистической промышленности, в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала.

Съезд считает поэтому необходимым широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма*.

Сравните с этим местом резолюции соответствующие выдержки из резолюций IX съезда КП(б)У в XIV Московской партконференции по отчету ЦК.

В резолюции XXII Ленинградской партконференции и в декларации последней к Московской конференции на этот вопрос не дается ясного и определенного ответа.

В качестве минимума материалов к этой теме необходимо изучить:

1. Ленин „О кооперации“ (т. XVIII, 2-я часть, стр. 129—136).
2. Сталин „Вопросы и ответы“ (вопрос 9-й, стр. 39—44 по изданию Коммуниверситета им. Свердлова).
3. Бухарин „Итоги XIV съезда“ (речь на Московском Актине. „Правда“ от 10 января).
4. Каганович „Доклад на IX съезде КП(б)У“ I раздел (см. „Агитатор“ № 2 „Наш путь—путь к социализму“).
5. Зиновьев „Ленинизм“ гл. гл. XIII и XIV. (стр. 284—318*).

Для того, чтобы выяснить наиболее ярко, и вместе с тем в наиболее простой формулировке важность этого вопроса и как старались его обойти до съезда и на самом съезде оппозиция, полезно привести слова т. Андреева, приветствовавшего съезд от коллектива Ленинградского завода „Прометей“.

Вот, что он сказал:

„На одном из групповых собраний коллектива выступает старый по возрасту член партии и заявляет: „Товарищи дорогие, скажите мне прямо,—вы здесь заявляете, что социализм можно строить и нельзя построить, скажите нам прямо, как членам партии, как коммунистам,—можно построить или нельзя построить социализм“. Вот как нужно вопрос ставить по-большевистски. А из этой путаницы, которую нам преподнесит оппозиция, у рядового партийца может складываться такое мнение, что он не знает, чего вы хотите. Вот как смотрят на это рядовые партийцы“. (Дневное заседание съезда 29 декабря).

*) Все эти материалы включены в данный сборник, кроме глав из „Ленинизма“ Зиновьева, которые не вошли в сборник из-за их громоздкости.

Из указанных выше материалов наиболее полно вопрос о построении социализма в одной стране выяснен в „Вопросах и ответах“ т. Сталина.

„Итак, возможно ли построение социалистического хозяйства (обнимающего все народное хозяйство, т. е. и индустрию и сельское хозяйство) в нашей стране без предварительной победы социализма в других странах, без прямой помощи техникой и оборудованием со стороны победившего пролетариата Запада.

Да, возможно. И не только возможно, но и необходимо, во и неизбежно...

Проблема строительства социализма в нашей стране является одной из важнейших проблем нашей партийной практики...

Горе тем руководителям, которые не сумеют или не захотят дать на этот вопрос ясный и определенный ответ.

Мы имеем все данные для построения социалистического хозяйства в нашей стране...

Мы его построим, если не будет серьезной интервенции...

В заключительном слове тов. Зиновьева есть попытка противопоставить этой мысли следующую цитату из книги Сталина „О Ленине и Ленинизме“: „Для окончательной победы социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно; для этого необходимы усилия пролетариата нескольких передовых стран“. Но эта цитата отнюдь не противоречит всему сказанному выше, так как усилия пролетариата передовых стран понимаются здесь, не только как усилия уже победивших революция, а как помощь в поддержке с их стороны даже при существующей еще власти капиталистов.

А кто сможет отрицать, что рабочие капиталистических стран нам эту помощь и поддержку оказывают своим сочувствием, своей готовностью противостоять попыткам капиталистов напасть на советскую страну.

В книге тов. Зиновьева „Ленинизм“, где вопросу о построении социализма в одной стране посвящено целых 64 страницы, этот вопрос ставится автором на всякие лады, и все же ясного, определенного и категорического ответа на него не дается. Но из всего построенного материала, из того, как подобраны цитаты из Ленина и как они разъясняются, видно, что теоретически т. Зиновьев не считает возможным построение социализма в одной стране.

Итак, например, как он кончает ту главу своей книги, которая целиком посвящена этому вопросу и называется „Ленинизм и вопрос о победе социализма в одной стране“:

„Весь путь ярко освещен нам Лениным. Обстановка складывается благоприятно. Теперь перед нами стоит задача

скромная, но и великая — закрепить победу в крестьянской стране, в той обстановке, в которой мы находимся. А закрепить победу в нашей стране это значит в то же время открыть путь к победе рабочих других стран, облегчить эту победу, помочь ей и тем самым подготовить окончательную победу коммунизма во всем мире („Ленинизм“, стр. 347).

И это — после 64 стр. Более увертливый отчет трудно было бы придумать. И прав тот ленинградский старик-рабочий, который после всех разглагольствований оппозиция спросил: „Вы скажите прямо, можно построить или нельзя построить социализм?“.

Ответ на этот вопрос дан XIV съездом ясный и категорический; он должен быть усвоен всеми членами партии, всеми рабочими и крестьянами.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПРОРАБОТКИ.

Из резолюции XIV съезда ВКП(б).

ПО ОТЧЕТУ ЦК.

В области экономического строительства съезд исходит из того, что наша страна,— страна диктатуры пролетариата, имеет все необходимое для построения полного социалистического общества" (Ленин). Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии. Отчетный год вполне доказал правильность этих положений. До захвата власти в других странах со стороны пролетариата, но при несомненной поддержке, без той называемой „помощи" со стороны иностранного капитала и в непрерывной борьбе с частным капиталом в нашей стране рабочий класс, в союзе с основной массой крестьянства, уже достиг первых серьезных успехов в социалистическом строительстве...

Съезд считает, что одним из необходимых условий для решения этих задач является борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями „последовательно-социалистического типа" (Ленин), как предприятия государственно-капиталистические. Такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности, в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала. Съезд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма.

Из резолюции IX Съезда КП(б)У по докладам ЦКРКП(б) и ЦКП(б)У.

Трудные условия строительства социализма в одной стране, находящейся в капиталистическом окружении, вызывают не раз в вызывают идеальные уклоны от ленинской

линии и сопутствующие этому атаки на проводника ленинской линии — ЦК партии. Партия находила в себе достаточно внутренней силы для успешной борьбы и называния этих уклонов (рабочая оппозиция, оппозиция 1923 г., троцкизм), отбивая атаки на ленинский ЦК. Партия и впредь будет успешно нажимать остатки старых группировок и идейных уклонов, предупреждая в то же время возникновение новых. Затяжной ход международной революции приводит отдельных членов партии к потере перспектив в международной революции. С другой стороны, на почве того же факта возникают пессимизм и неверие в строительство социализма в одной стране и недооценка успехов этого строительства в СССР. С этим связана квалификация нашей госпромышленности, как госкапитализма, а не социалистической, панический страх перед теми элементами капитализма, которые мы допускаем под строгим госконтролем, и связанные с этим рассуждения о перерождении партии и т. п., преувеличение роли и значения кулачества в нынешней советской деревне, тенденция к игнорированию роли кооперации, подмена активного привлечения середняка на сторону советской политической так наз. нейтрализации. С другой стороны, имеется уклон в сторону недооценки опасности со стороны кулака и нэпмана. На Украине в партийных рядах еще приходится считаться с пережитками националистического шовинизма, великорусского, украинского и т. д.

Съезд считает необходимым усилить работу партии по изживанию и преодолению всех указанных уклонов.

Из резолюции XIV московской губпартконференции по докладу ЦКРКП(б).

Конференция убеждена, что строительство социализма в СССР возможно, необходимо и обязательно. Она считает, что отчетный год, прошедший под знаком хозяйственного подъема, полностью доказал это. До захвата власти в других странах со стороны пролетариата, но при его непрерывной поддержке, без так называемой „помощи“ со стороны загнивающего капитала, без своих домашних помещиков и капиталистов, рабочий класс в союзе с крестьянством достиг уже известных успехов в социалистическом строительстве.

Конференция считает поэтому крайне вредным, граничащим с пораженчеством, скептицизм в отношении возможности строительства социализма в стране, которая является единственной страной, где налицо имеется диктатура пролетариата. Такое отрицание ослабляет волю пролетариата, деморализует его и способствует объективно делу противников социализма.

Из декларации XXII ленинградской губпартконференции
и московской губпартконференции.

О „ликвидаторском безверии“.

На московской губпартконференции раздавались речи о том, что ленинградская организация и ее руководство страдают неварием в силы рабочего класса, заражены хныканьем в т. д., и т. п. Над этими обвинениями можно было бы лишь невольно посмеяться, если бы они не означали в нас величайшего негодования. Недь и тов. Левина еще совсем недавно обвиняли в том, что в его представлении нет никакого социализма, а есть только маленький остро-вочек социализма в нашей стране. Дико звучит обвинение ленинградской организации в ликвидаторском безверии в тот момент, когда у нас кипит, как никогда, строительская соци-алистическая работа, растут, закаляются пролетарские силы.

В истории нашей партии мы впервые слышим подобные неслыханные обвинения. До сих пор мы наблюдали вра-ждебное отношение к нашей организации лишь со стороны врагов ленинизма, особенно в период двух последних двусмысленных о тридцатеской оппозицией.

Мы знаем, как Ильич относился к ленинградским рабо-чим-коммунистам, как он ценил их отвращение к пустой фразе, их твердость и решительность.

Всем известно, что горняк ленинградский рабочий, в прежде всего металлист, был неизменно одним из важ-нейших устоев большевизма.

Нужели же в гордым Левина, в крупнейшем пролетар-ском цепре, прошедшем через три революции, зародились теперь ликвидаторские сомнения, зародилось маловерие в коммунизм?

Это не только противоречило бы всему предыдущему ходу нашей пролетарской борьбы, это противоречило бы самому факту современного, гигантски быстрого роста рабочего класса.

Этого нет и быть не может, но зато есть попытки сма-зать и затуплять смысл происходящего на наших глазах. Есть попытки свести не нет пролетар-скую критику вредных не больш-вистских уклонов, критику попыток реаними-и выходящая левизма.

Из ответа Московского Комитета РКП(б) на декларацию ленинградской губпартконференции.

О „ликвидаторском безверии“.

В ответ на нашу резолюцию вы, товарищи, видите, что ле-нинградская организация партии обвиняется нами в безверии

в дело социалистического строительства. Это — неправда. Обвинялась вовсе не ленинградская организация: обвинялись некоторые — правда, влиятельные у нас — товарищи, а рядом и ряд других товарищей в нашей московской организации и в партии вообще.

За что был снят ленинградским комитетом т. Залуцкий, один из ваших руководителей? За то, что он, поддавшись с рядом других товарищей устреловско-меншневской идеологии, обвинял ЦК партии в перерождении и в термидорианстве, т. е. в попытке восстановления буржуазных порядков.

Когда троцкистская оппозиция только намекала на возможность перерождения нашего ЦК (Гэлл и Вильямс), вся партия, и, в первую голову, вы, товарищи, дали дружный отпор. А теперь после того, как т. Залуцкий поднял прямое, несмутающее, несуразнейшее обвинение против ЦК, во много раз усилив намеки прежней оппозиции, — по инициативе ваших руководителей, выбирается т. Залуцкий, в награду за преступление против партии, на XIV партийный съезд. Разве это не показатель? Проваливают Коморова и Либова за верность партии в демонстративно выбирают т. Залуцкого за его атаку на партию. Это — факт, несмутающий в истории ленинградской организации. Это — отход от ее традиций. Это — капитуляция перед буржуазной идеологией. Вот вам один кричащий факт.

Другой факт. Не так давно товарищи Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция. Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что мы можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет идти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но тем не менее мы идем и будем идти вперед.

Мы точно также полагаем, что точка зрения т. т. Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции.

Тов. Зиновьев и Каменев — это не Богуселский. Они — признанные партийные вожди. Тем опаснее их ошибка. Если ее взять в свете рассуждений т. Залуцкого о перерождении ЦК и термидорианцах, тогда идеология ликвидаторского безверия становится во весь рост. И с этой упадочной идеологией мы считаем себя обязанными вести борьбу.

Из резолюции XIV Всесоюзной конференции РКП(б)
о задачах Коминтерна.

Вообще победа социализма (не в смысле окончательной победы) безусловно возможна в одной стране. Полемика вокруг тов. Троцкого по вопросу о Соединенных Штатах мира. тов. Ленин еще в 1916 г. писал:

„Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты мира был бы, однако, едва ли принят, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране в отношении такой страны как остальные.“

„Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстания против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств“. („Против течения“).

С другой стороны, наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией окончательной победы социализма, т.е. гарантии от реставрации, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран.

Из этого отнюдь не вытекает, что невозможна постройка полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия без „государственной помощи“ (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран. Составной частью троцкистской теории перманентной революции является утверждение, что „подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы“ (Троцкий 1922 г.). утверждение, обрекающее пролетариат СССР в нынешний период на фаталистическую пассивность. Против подобных „теорий“ тов. Ленин писал:

„До бесконечности шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как

выражаются разные „ученные“ господа из них, объективных предпосылок для социализма“. (Заметки о Суханове).

Необходимо помнить программное заявление тов. Ленина в его последней статье о кооперации, имеющее для внешних условий особенное значение и гласящее: „На самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, сама этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торговельско-ую, в которую с известной стороны имеем право третировать теперь при напе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения... Я хотел сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международное отношение, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе“.

Из этого вытекает, что страна рабочей диктатуры, являющаяся основной базой международной революции, должна рассматривать себя, как ее могущественный рычаг и подспорье; с другой стороны, господствующая в ней партия пролетариата должна прилагать все усилия к тому чтобы строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть и начерняка будет победоносным, если удастся отстоять страну от всяких попыток реставрации. Другими словами — правильной политикой как в отношении к крестьянству внутри страны, так и в области международных отношений, РКП должна преодолеть все затруднения, вытекающие из замедления темпа мировой революции.

ЛЕНИН

...До бесконечия шаблонным является у них довод, который они внучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии, который состоит в том, что мы не допросили до социализма, что у нас нет, как выражаются разные „ученные“ господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он под влиянием безвыходности своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на

завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации.

„Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм“. С этим положением все герои II Интернационала и, в том числе, конечно, Сухомов носятся, поминуте, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революции.

Ну, а что, если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западно-европейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся, и частично уже начавшихся, революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз „крестьянской войны“ с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой „марксист“, как Маркс, в 1850 году по отношению к Пруссии?

Что, если полная безвыходность положения, удешевляя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность быстрого перехода к созданию основных осей цивилизации, чем во всех остальных западно-европейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать — каков этот определенный „уровень культуры“), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двигаться догонять другие народы.

„О нашей революции“ т. XVIII,
часть II, стр. 110 и 111.

У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения сам собой достигается цель тот социализм, который ранее выдвигала законные надежды, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д. И вот не все товарищи дают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает

для нас кооперирование России. В конце мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве наша есть все, что нам нужно, потому что теперь мы вышли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалстов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, сама этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торговую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при этом так же, разве это не все, необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все, необходимое и достаточное для этого построения.

„О кооперации“, стр. 129, 130.
собр. соч. том XVIII, ч. II.

Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств поработлено государствами-победителями — это Германия. Затем ряд государств, в том числе самых старых государств Запада, оказались, в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда важных уступок своим угнетенным классам, уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие „социального мира“.

В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. д., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по обще-европейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?

Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным „амбреванием“ в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого на побежденных во время империалистической войны государствах, соединенной с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирно революционного движения.

Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, при чем этот раскол осложнен тем, что Германия, стране действительно передового культурного капиталистического развития, податься теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада кажут ее и не дают ей подняться. А с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплуатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физическое и материальное силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западно-европейских государств.

Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Если ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-европейской контр-революции, направленный к поддержке русской контр-революции, сорвался из-за противоречий в лагере контр-революционеров Запада и Востока, в лагере эксплуататоров восточных и эксплуататоров западных, в лагере Японии и Америки?

На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается к борьбе самым капитализмом.

Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай в т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно, это большинство населения и вытягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том — как будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена.

Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы. Российская коммунистическая партия, мы, Российская советская власть, для того, чтобы помешать западно-европейским контр-революционным государствам развить нас. Для того, чтобы обеспечивать наше существование до следующего неизбежного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованными государствами мира и государствами по восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство, — этому большинству нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже нехватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки. Нам следует держаться такой тактики или принять для нашего спасения следующую политику:

Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы кзых бы то ни было влияния.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение соотнести для развития нашей крупной и средней индустрии, для развития электрификации, гидротурфа, для постройки Волжостроя и проч.

СТАЛИН.

Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариата всех передовых стран, или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира,— все это ведет не только к возможности, но и к необходимости победы пролетариата в отдельных странах. История революции в России является прямым тому доказательством. Необходимо только помнить при этом, что свержение буржуазии может быть с успехом проведено лишь в том случае, если имеются налицо некоторые, совершенно необходимые условия, без наличия которых нечего и думать о взятии власти пролетариатом.

Вот что говорит Ленин об этих условиях в своей брошюре „Детская болезнь „левизны“ в коммунизме“:

„Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и, в частности, всеми тремя русскими революциями в двадцатом веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетаемые массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда *„низы“ не хотят и когда „верхи“ не могут по-старому*, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: *революция не возможна без общенационального (и эксплуатированных и эксплуататоров затрагивающего) кризиса*. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или, во всяком случае, большинство сознательных, мыслящих, политически-активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы, обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его“...

Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране, еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма—организация социалистического производства—остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной

стране, без совместных усилий пролетариев несколько передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны, — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовольную величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах. Ленин выразил эту мысль в дух слова, сказав, что задача победившей революции состоит в проведении „максимум осуществляемого в одной стране, для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах“ (см. „Пролет. револ.“).

(Из книги „О Ленине и ленинизме“ 41—42 стр.).

Каковы характерные черты второй особенности Октябрьской революции? *).

Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришел к закону о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран. По смыслу этого закона, развитие отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит неравномерно, не в порядке установившейся очереди, не так, чтобы один трест, одна отрасль промышленности или одна страна шла все время вперед, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой, — а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и с скачками вперед в развитии других стран. При этом „заполне законное“ стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же „законное“ стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистских стран являются неминуемой необходимостью. Так было, например, с Германией, которая полвека назад представляла, в сравнении с Францией и Англией, отсталую страну. То же

*) Т. Сталин отмечает две особенности Октябрьской революции. *Первая особенность* — это то, что диктатура пролетариата утвердилось у нас, как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства при руководстве последним со стороны пролетариата. *Вторая особенность* — это тот факт, что диктатура пролетариата утвердилось у нас, как результат победы социализма в одной стране, капиталистически мало развитой, при сохранении капитализма в других странах, капиталистически более развитых. *Ред.*

самое нужно сказать о Японии, по сравнению с Россией. Известно, однако, что уже в начале XX столетия Германия и Япония скакали так далеко, что первая успела обогнать Францию и стала теснить Англию на мировом рынке, а вторая — Россию. Из этих противоречий и возникла, как известно, недавняя империалистическая война.

Закон этот исходит из того что:

1) Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью „передовых“ стран гигантского большинства земель* (см. предисловие к французскому изданию „Империализма“ Ленина);

2) „Доля этой „добычи“ происходит между 2—8 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы техниками (Америка, Англия, Япония), которые стягивают в свою войну, на-за добычи своей добычи, всю землю“ (см. там же);

3) Рост противоречий внутри мировой системы финансового угнетения и неизбежность военных столкновений ведут к тому, что мировой фронт империализма становится легко уязвимым со стороны революции, а прорыв этого фронта со стороны отдельных стран — вероятным;

4) Этот прорыв вероятнее всего может произойти в тех пунктах и в тех странах, где цепь империалистского фронта слабее, то-есть, где империализм менее всего подкован, а революция легче всего развернуться;

5) Ввиду этого, победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, — вполне возможна и вероятна.

Таковы в двух словах основы ленинской теории пролетарской революции.

В чем состоит вторая особенность Октябрьской революции?

Вторая особенность Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является образцом применения на практике ленинской теории пролетарской революции.

Кто не понял этой особенности Октябрьской революции, тот никогда не поймет ни интернациональной природы этой революции, ни ее колоссальной международной мощи, ни ее своеобразной внешней политики.

„Неравномерность экономического и политического развития, — говорит Ленин, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство,

встал бы *против* остального капиталистического мира, принадлежая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств"... Ибо "невозможно свободное объединение наций в социализм" без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с остальными государствами" (см. "Против течения", стр. 130).

Оппортунисты всех стран утверждают, что пролетарская революция может начаться — если вообще она должна где-либо начаться по их теории — лишь в промышленно развитых странах, что чем развитее в промышленном отношении эти страны, тем больше шансов на победу социализма, при чем возможность победы социализма в одной стране, да еще капиталистически мало развитой, исключается у них, как нечто совершенно невероятное. Ленин еще во время войны, опираясь на закон неравномерного развития империалистических государств, противопоставляет оппортунистам свою теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране, если даже эта страна является капиталистически менее развитой.

Известно, что Октябрьская революция целиком подтвердила правильность ленинской теории пролетарской революции.

Как обстоит дело с "перманентной революцией" т. Троцкого с точки зрения ленинской теории пролетарской революции?

Возьмем брошюру т. Троцкого "Наша революция (1906 г.) Тов. Троцкий пишет:

"Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты" (см. "Наша революция", стр. 278).

О чем говорит эта цитата? Да о том, что победа социализма в одной стране, в данном случае в России, не возможна "без прямой государственной поддержки европейского пролетариата", т. е. до завоевания власти европейским пролетариатом.

Что общего между этой "теорией" и положением Ленина о возможности победы социализма "в одной, отдельно взятой, капиталистической стране?"

Яко, что тут нет ничего общего.

Но допустим, что эта брошюра т. Троцкого, изданная в 1906 году, когда трудно было определить характер нашей революции, содержит невольные ошибки и не вполне соответствует взглядам т. Троцкого в более поздний период. Рассмотрим другую брошюру т. Троцкого, его „Программу мира“, появившуюся в свет перед Октябрьской революцией 1917 г. и переизданную теперь (в 1924) в книге „1917“. В этой брошюре т. Троцкий критикует ленинскую теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране и притупляет ее лозунг *Соединенных Штатов Европы*. Он утверждает, что победа социализма в одной стране невозможна, что победа социализма возможна лишь как победа нескольких основных стран Европы (Англии, России, Германии), объединяющихся в Соединенные Штаты Европы, либо она вовсе невозможна. Он прямо говорит, что „победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии, и наоборот“ (см. „1917“, т. III сочинений т. Троцкого, часть I, стр. 89).

Война и революция, т. II,
стр. 483-506, 35 V. 17.

„Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение,— говорит т. Троцкий,— против лозунга Соединенных Штатов было сформулировано в швейцарском „Социал-Демократе“ (тогдашний центральный орган большевиков. *И. Ст.*) в следующей фразе: „Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма“. Отсюда „Социал-Демократ“ делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране и что поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обуславливать созданием Соединенных Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции неодинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собою капиталистическую „Европу“, созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна „дожидаться“ других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не

произошло, то безнадежно думать,—так свидетельствуют в опыт истории. и теоретические соображения,—что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире* (см. том III соч. тов. Троцкого, часть I, стр. 89—90).

Как видите, перед нами та же теория одновременной победы социализма в основных странах Европы, как правило, исключавшее ленинскую теорию революции о победе социализма в одной стране.

Слов нет, что для полной победы социализма, для полной гарантии от восстановления старых порядков необходимы совместные усилия пролетариев нескольких стран. Слов нет, что без поддержки нашей революции со стороны пролетариата Европы, пролетариат России не мог бы устоять против общего напора, точно так же, как без поддержки революционного движения на Западе со стороны революция в России не могла бы это движение развиваться тем темпом, каким оно стало развиваться после пролетарской диктатуры в России. Слов нет, что нам нужна поддержка. Но что такое поддержка нашей революции со стороны западно-европейского пролетариата? Сочувствие европейских рабочих нашей революции, их готовность расстрелять планы империалистов насчет интервенции.—есть ли все это поддержка, серьезная помощь? Безусловно, да. Без такой поддержки, без такой помощи не только со стороны европейских рабочих, но и со стороны колониальных и зависимых стран, пролетарской диктатуре в России пришлось бы туго. Хватало ли до сих пор этого сочувствия и этой помощи, соединенной с мощью нашей Красной армии и с готовностью рабочих и крестьян России грудью отстоять социалистическое отечество,—хватало ли всего этого для того, чтобы отбить атаки империалистов и завоевать себе необходимую обстановку для серьезной строительной работы? Да, хватало. Растет ли это сочувствие, или убывает? Безусловно, растет. Есть ли у нас, таким образом, благоприятные условия не только для того, чтобы двигаться вперед дело организации социалистического хозяйства, но и для того, чтобы, в свою очередь, оказывать поддержку как западно-европейским рабочим, так и угнетенным народам Востока? Да, есть. Об этом красноречиво говорит семилетняя история пролетарской диктатуры в России. Можно ли отрицать, что могучий трудовой подъем уже начался у нас? Нет, нельзя отрицать.

Какое значение может иметь после всего этого заявление т. Троцкого о том, что революционная Россия не могла бы устоять перед лицом консервативной Европы? Оно

может иметь лишь одно значение: во-первых, т. Троцкий не чувствует внутренней мощи нашей революции; во-вторых, т. Троцкий не понимает неопенимого значения той моральной поддержки, которую оказывают нашей революции рабочие Запада и крестьяне Востока; в третьих, т. Троцкий не улавливает той внутренней немощи, которая раздает ныне империализм.

Увлечшись критикой ленинской теории пролетарской революции, т. Троцкий печально разбил себя наголову в своей брошюре „Программа мира“, вышедшей в 1917 г. и переизданной в 1924 г.

Но, может быть, устарела и эта брошюра т. Троцкого, перестав почему-либо соответствовать нынешним его взглядам? Возьмем позднейшие труды т. Троцкого, написанные после победы пролетарской революции в одной стране, в России.

Возьмем, например, „Послесловие“ тов. Троцкого к новому изданию брошюры „Программа мира“, написанное в 1922 г. Вот что он пишет в этом „Послесловии“:

„Несколько раз повторяющееся в „Программе мира“ утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы несомненно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отстоял, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы в создании социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены в борьбе с экономическою изолированностью искать соглашения с капиталистическим миром: в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам замечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы*) пролетариата в важнейших странах Европы“ (см. том III соч. Троцкого, часть 1, стр. 92—93).

*) Курсив мой. И. Ст.

Так говорит т. Троцкий, явно греша против действительности и упорно стараясь спасти „перманентную революцию“ от окончательного крушения.

Выходит, что, как не вертись, а к созданию социалистического общества не только „не пришли“, но даже „не подошли“. Была, оказывается, кое у кого надежда на „соглашение с капиталистическим миром“, но на этих соглашениях тоже, оказывается, ничего не выходит, ибо, как не вертись, а „подлинного подъема социалистического хозяйства“ не получишь, пока не победит пролетариат „в важнейших странах Европы“.

Ну, а так как победы нет еще на Западе, то остается для революции в России „выбор“: либо свалить на корню, либо переродиться в буржуазное государство.

Недаром т. Троцкий говорит вот уже два года о „перерождении“ нашей партии.

Недаром т. Троцкий пророчил в прошлом году „гибель“ нашей страны.

Как согласовать эту странную „теорию“ с теорией Ленина о „победе социализма в одной стране?“

Как согласовать эту странную „перспективу“ с перспективой Ленина о том, что новая экономическая политика даст нам возможность „построить фундамент социалистической экономики“?

Как согласовать эту „перманентную“ безнадежность, например, со следующими словами Ленина:

„Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего или какой-нибудь отвлеченной картины или какой-нибудь вины. Насчет вины мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протаскили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет, все мы вместе, и не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России империальной будет Россия социалистическая“ (См. том XVIII, часть II, стр. 108).

Как согласовать эту „перманентную“ беспроблемность, например, со следующими словами Ленина:

„В самом деле, власть государства ни все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими

миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торговашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при впаде так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения" (См. "О кооперации", стр. 129, 130).

Ясно, что тут нет, да и не может быть, никакого соглашения. „Перманентная революция“ т. Троцкого есть отрицание ленинской теории пролетарской революции, и наоборот — ленинская теория пролетарской революции есть отрицание теории „перманентной революции“.

Неверие в силы и способности нашей революции, неверие в силы и способности русского пролетариата, — такова подпочва теории „перманентной революции“ *).

(Из предисловия к книге „На путях к Октябрю“, написанного 17 декабря 1924 г. — стр. XXIII — XXXIII).

И. СТАЛИН.

О судьбах социализма в Советском Союзе.

До сих пор я говорил о резолюциях нашей конференции по вопросам, касающимся непосредственно Коминтерна. Теперь мы переходим к вопросам, имеющим прямое отношение и к Коминтерну, и к РКП, и являющимся, таким образом, соединяющим звеном между вопросами внешними и внутренними.

Как должна отразиться временная стабилизация капитализма на судьбах социализма в нашей стране? Не есть ли эта стабилизация конец или начало конца социалистического строительства в нашей стране?

Можно ли вообще построить собственными силами социализм в нашей стране, отсталой в технико-экономическом отношении, при условии сохранения капитализма в других странах на более или менее продолжительный период?

*) Критика, направленная здесь против неправильной теории т. Троцкого, целиком остается в силе против колебаний, сомнений и веерия, обнаруженных новой оппозицией в вопросе о строительстве социализма в одной стране (Ред.).

Можно ли создать полную гарантию от опасностей интервенции, а значит и реставрации старых порядков в нашей стране при наличии капиталистического окружения, да еще стабилизированного в данный момент?

Все это — такие вопросы, которые неизбежно встанут перед нами в связи с новой обстановкой в области международных отношений, и которые мы не можем обойти, не дав на них точного и определенного ответа.

Наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа противоречий — это внутренние противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Другая группа противоречий — это противоречия внешние, имеющиеся между нашей страной, как страной социализма, и всеми остальными странами, как странами капитализма.

Рассмотрим обе эти группы противоречий в отдельности. Что некоторые противоречия между пролетариатом и крестьянством существуют, — этого, конечно, нельзя отрицать. Достаточно вспомнить все то, что происходило у нас и происходит в связи с политической цен на сельскохозяйственные продукты, в связи с лозунгами, в связи с кампанией понижения цен на фабрикаты и пр., чтобы понять всю реальность этих противоречий. Два основных класса стоят перед нами: класс пролетариев и класс частных собственников, т. е. крестьянства. Отсюда неизбежность противоречий между ними. Весь вопрос в том, можем ли мы своими собственными силами преодолеть эти противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Когда говорят: можно ли построить социализм своими собственными силами? — то этим хотят сказать: преодолеть ли противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране, или непреодолимые?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно: да, мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса.

Где основания, мотивы для такого ответа?

Мотивы такого ответа состоят в том, что кроме противоречий, между пролетариатом и крестьянством имеются еще общие интересы по коренным вопросам развития, которые покрывают и, во всяком случае, могут покрыть эти противоречия, в которые являются базой, основой союза рабочих и крестьян.

В чем состоят эти общие интересы?

Дело в том, что существуют два пути развития земледелия: путь капиталистический и путь социалистический. Путь капиталистический означает развитие через обнищание большинства крестьянства во имя обогащения верхних слоев городской и сельской буржуазии. Путь социалистический, наоборот, означает развитие через безусловное

поднятые благосостояния большинства крестьянства. Как пролетариат, так и в особенности крестьянство заинтересованы в том, чтобы развитие пошло по второму пути, по пути социалистическому. Ибо этот путь является единственным спасением крестьянства от обнищания и полуголодного существования. Нечего и говорить, что диктатура пролетариата, имеющая в своих руках основные нити хозяйства, примет все меры к тому, чтобы победила второй путь, путь социалистический. Само собой понятно, с другой стороны, что крестьянство крепко заинтересовано в том, чтобы развитие пошло по этому второму пути.

Отсюда общность интересов пролетариата и крестьянства, покрывающая противоречия между ними.

Вот почему говорит ленинизм, что мы можем и должны построить полное социалистическое общество вместе с крестьянством, на основе союза рабочих и крестьян.

Вот почему говорит ленинизм, опираясь на общие интересы пролетариата и крестьян, что мы можем и должны преодолеть своими собственными силами противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством.

Так смотрит на это дело ленинизм.

Но не все, видимо, товарищи согласны с ленинизмом. Вот что, например, говорят т. Троцкий по вопросу о противоречиях между пролетариатом и крестьянством:

„Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только*) в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата“ (см. „Предисловие“ к книге т. Троцкого „1906 год“).

Иначе говоря, преодолеть своими собственными силами и вытерпеть внутренние противоречия в нашей стране, противоречия между пролетариатом и крестьянством мы не в силах, мы не в состоянии, ибо только в результате мировой революции и только на основе мировой революции мы сможем, оказывается, исчерпать эти противоречия и построить, наконец, социализм.

Нечего и говорить, что это положение не имеет ничего общего с ленинизмом.

Тот же товарищ продолжает дальше:

„Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты“ (См. „Наша революция“ Троцкого, стр. 278).

*) Курсы нов. И. См.

Иначе говоря, пока западный пролетариат не возьмет власть и не окажет нам поддержки, нам нельзя и мечтать об удержании власти на сколько нибудь продолжительный период.

Дальше: „Безнадежно думать, —... что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы“ (См. т. III сочинений т. Троцкого, ч. 1, стр. 80 — 90).

Иначе говоря, мы, оказывается, не только не можем построить социализм, но не можем даже устоять хотя бы на короткий срок „перед лицом консервативной Европы“, хотя весь мир знает, что мы не только удержались, но и отбили ряд бешеных атак консервативной Европы на нашу страну.

И, наконец: „Подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы“*) пролетариата в важнейших странах Европы“ (См. т. III соч. т. Троцкого, ч. 1, стр. 92 — 93).

Кажется, ясно.

И правед, товарищи, эти цитаты для того, чтобы противопоставить их цитатам из сочинений Ленина и дать вам, таким образом, возможность уловить основную суть вопроса о возможности построения полного социалистического общества в стране пролетарской диктатуры, окруженной капиталистическими государствами.

Перейдем теперь к цитатам из сочинений Ленина.

Вот что писал Ленин еще в 1915 году во время империалистской войны:

„Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание *против* капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой *против* эксплуататорских классов в их государствах“... Ибо „невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с остальными государствами“ (См. „Против течения“, стр. 130. Ленин. 1915 г.)

Иначе говоря, страна пролетарской диктатуры, окруженная капиталистами, может, оказывается, не только истерзать собственными силами внутренние противоречия

*) Курсив мой. И. Ст.

между пролетариатом и крестьянством, но она может и должна еще построить социализм, организовать у себя социалистическое хозяйство и поставить вооруженную силу для того, чтобы пойти на помощь пролетариям окружающих стран в их борьбе за свержение капитала.

Таково основное положение ленинизма о победе социализма в одной стране.

То же самое говорит Ленин, хотя и в несколько другой форме, в 1920 году на VIII съезде Советов, в связи с вопросом об электрификации нашей страны: „Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна останется мелко-крестьянской, а надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали, и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно“^{*)}. Ленин. Доклад на VII съезде Советов.

Иначе говоря, Ленин вполне сознает технические трудности построения социализма в нашей стране, но он вовсе не делает из этого абсурдного вывода о том, что „подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы“, а считает, что мы можем своими собственными силами преодолеть эти трудности для того, чтобы добиться „окончательной победы“, т. е. постройки полного социализма.

А вот что говорит Ленин спустя год после этого, в 1921 году:

„10 20 лет правильных соотношений с крестьянством, — и обеспечена победа во всемирном масштабе“¹⁾ (даже при задержке пролетарских революций, кон растут)“. Ленин. План и конспект брошюры „О продовольственном налоге“. 1921 г. См. „Большевик“, № 7.

Иначе говоря, Ленин вполне сознает политические трудности построения социализма в нашей стране, но он вовсе не делает из этого неправильного вывода о том, что „без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти“, а считает, что при правильной политике в отношении крестьянства мы вполне можем добиться „победы во всемирном масштабе“ в смысле построения полного социализма.

^{*)} Курсив мой. И. См.

А что такое правильная политика в отношении крестьянства? Правильная политика в отношении крестьянства есть нечто, зависящее целиком и полностью от нас и только от нас, как партия руководящей строительством социализма в нашей стране.

То же самое, но с еще большей определенностью говорит Ленин в 1922 году в своих заметках о кооперации:

„В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы за кооперации, на одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нас так же, *разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?* Это еще не построенное социалистическое общество, но это *все необходимое и достаточное для этого построения*“). (Ленин. „О кооперации“, стр. 129).

Иначе говоря, при диктатуре пролетариата у нас имеется, оказывается, все данные, необходимые для того, чтобы построить полное социалистическое общество, преодолевая все и всякие внутренние затруднения, ибо мы можем к мы должны преодолеть их своими собственными силами.

Кажется, ясно.

Возражение о том, что сравнительная эконоическая отсталость нашей страны исключает возможность построения социализма, Ленин берет в атаку и опрокидывает его как нечто несовместимое с социализмом:

„До бесконечности шаблонным является у них довод. — говорят Ленин, — который они выучили наизусть во время развития западно европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные „ученые“ господа на них, объективных предпосылок для социализма“ (Заметки о Суханове).

В противном случае нечего было брать власть в Октябре и устраивать Октябрьскую революцию. Ибо если возможность и необходимость построения полного социалистического общества исключается по тем или иным соображениям, то тем самым теряет смысл и Октябрьская революция. Кто отрицает возможность построения социализма в одной стране, тот должен обязательно отрицать и правомерность Октябрьской революции. И наоборот: кто не верит в Октябрь, тот не должен признавать возможности победы социализма

* Курсив мой. Н. Сл.

в условиях капиталистического окружения. Связь между верием в Октябрь и признанием социалистических возможностей в нашей стране — полная и непосредственная.

„Я знаю, — говорит Ленин, — что есть мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власть до тех пор, пока не разразится революция во всех странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, это значит всем застыть в ожидании. Это — бессмыслица“ (Ленин, „О международном положении“, т. XV).

Так обстоит дело с противоречиями первого порядка, с противоречиями внутреннего характера, с вопросом о возможности построения социализма в условиях капиталистического окружения.

Перейдем теперь к противоречиям второго порядка, к противоречиям внешним, имеющимся между нашей страной, как страной социализма и всеми остальными странами, как странами капитализма.

В чем состоят эти противоречия?

Они состоят в том, что пока есть капиталистическое окружение, должна быть и опасность интервенции со стороны капиталистических стран, а пока есть такая опасность, должна быть и опасность реставрации, опасность восстановления старых порядков.

Можно ли считать эти противоречия вполне преодолимыми для одной страны? Нет, нельзя. Ибо усилий одной страны, если даже эта страна является страной диктатуры, недостаточно для того, чтобы полностью гарантировать ее от опасности интервенции. Полная гарантия от интервенции, а значит, и окончательная победа социализма возможна, ввиду этого, лишь в международном масштабе, лишь в результате совместных усилий пролетариев ряда стран или — еще лучше — лишь в результате победы пролетариев нескольких стран.

Что такое окончательная победа социализма?

Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах, является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма.

„Пока наша Советская Республика,— говорит Ленин,— остается одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать... об исключении в тех или иных опасностях было бы совершенно смелым фантазерством и утопизмом. Конечно, пока такие коренные противоположности остаются, остаются в опасности, в от них откуда не убраться“. (Ленин, собр. соч., т. XVII, стр. 408, 409).

И далее:

„Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, в существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит“ (Ленин. Речь на VIII съезде партии).

Вот почему говорит Ленин, что:

„Окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран“ (Ленин. 14-V 1918 года. „О международном положении“, т. XV).

Так обстоит дело с противоречиями второго порядка.

Кто смешивает первую группу противоречий, совершенно преодолимых усилиями одной страны, со второй группой противоречий, требующих для своего разрешения усилий пролетариата нескольких стран,— тот допускает грубейшую ошибку против ленинизма, тот либо путаник, либо несоразмерный оппортунист.

Некоторым образчиком такой перепутавцы могло бы послужить письмо одного товарища, присланное мне в январе этого года, по вопросу о победе социализма в одной стране. Он пишет о недоумении:

„Вы говорите, что ленинская теория... заключается в том, что социализм *может* победить в одной стране. Я, к сожалению, не нашел указания в соответствующих местах у Ленина о победе социализма в одной стране“.

Беда, конечно, не в том, что этот товарищ, которого я считал одним из лучших товарищей во нашей учащейся молодежи, не нашел указания в соответствующих местах у Ленина о победе социализма в одной стране“. Придет время, когда он прочтет и найдет, наконец, такие указания. Беда в том, что он слутал противоречия внутренние с противоречиями внешними и запутался наконец в этой перепутавке. Не лишне будет, быть может, познакомить вас с моим ответом на письмо этого товарища.

Вот он:

„Речь идет не о полной победе, а о победе вообще, т. е. о том, чтобы пригнать помещиков и капиталистов, взять власть, отбить атаки империализма и начать строить социалистическое хозяйство,— все это может вполне удался пролетариату в одной стране, но полная гарантия от реставрации может

быть обеспечена лишь в результате общих усилий пролетариев нескольких стран". Глупо было бы начинать революцию в России при убеждении, что победивший пролетариат России, при явном сочувствии со стороны пролетариев других стран, но при отсутствии победы в нескольких странах, „не может устоять против консервативной Европы". Это не марксизм, а самый изурядный оппортунизм. Если бы такая теория была правильна, то не был бы прав Ильич, утверждавший, что Россию изповеску превратим в социалистическую, что мы имеем „все необходимое для построения полного социалистического общества" (см. „О кооперации").... — „Самое опасное в нашей политической практике — это попытка рассматривать победившую пролетарскую страну, как нечто пассивное, способное лишь топтаться на месте до момента проявления помощи со стороны победивших пролетариев других стран. Допустим, что лет пять — десять не будет еще победы революции на Западе; допустим, что за этот период наша республика все же просуществовала, как республика, строящая социалистическую экономику в условиях неволи: — думаете ли вы, что за эти пять — десять лет наша страна будет заниматься толчением воды, а не организацией социалистического хозяйства? Стоит поставить этот вопрос, чтобы понять всю опасность теории отрицания победы социализма в одной стране. Но значит ли это, что победа эта будет полной, окончательной? Нет не значит, ибо пока есть капиталистическое окружение, всегда будет опасность интервенции". (Январь 1926 год).

Так обстоит дело с вопросом о судьбах социализма в нашей стране с точки зрения известной резолюции XIV конференции нашей партии.

Из доклада „К итогам работы XIV партконференции РКП(б)".

Возможно ли построение социалистического хозяйства в нашей стране без предварительной победы социализма в основных странах Европы, без прямой помощи техникой и оборудованием со стороны победившего пролетариата Европы?

Раньше, чем перейти к этому вопросу, ответ на который, я хочу сказать, уже дан мной в начале этой речи, я хотел бы рассеять одно очень распространенное недоразумение, связанное с этим вопросом. Недоразумение это состоит в том, что некоторые товарищи склонны отождествлять вопрос о „переоборудовании и расширении основного капитала крупной промышленности" с вопросом о построении социалистического хозяйства в нашей стране. Можно ли согласиться с таким отождествлением? Нет, нельзя. Почему? Потому, что первый вопрос уже второго

по своему объему. Потому, что вопрос о расширении основного капитала промышленности захватывает лишь часть народного хозяйства — индустрию, тогда как вопрос о построении социалистического хозяйства охватывает все народное хозяйство, т. е. и индустрию, и сельское хозяйство. Потому, что проблема построения социализма означает проблему организации народного хозяйства в целом, проблему правильного сочетания индустрии и сельского хозяйства, тогда как вопрос о расширении основного капитала промышленности не задает, даже, строго говоря, этой проблемы. Можно представить себе, что основной капитал промышленности уже переоборудован и расширяется, но это вовсе еще не значит, что тем самым уже разрешена проблема построения социалистического хозяйства. Социалистическое общество есть производственно-потребительское товарищество работников индустрии и сельского хозяйства. Если в этом товариществе промышленность не связана с сельским хозяйством, дающим сырье и продовольствие и поглощающим надежде промышленности, если промышленность и сельское хозяйство не составляют, таким образом, единого, народно-хозяйственного целого, — то никакого социализма из этого не получится.

Вот почему вопрос о взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства, вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства, составляет основной вопрос проблемы построения социалистического хозяйства.

Вот почему вопрос о переоборудовании и расширении основного капитала крупной промышленности нельзя отождествлять с вопросом о построении социалистического хозяйства.

Итак, возможно ли построение социалистического хозяйства в нашей стране без предварительной победы социализма в других странах, без прямой помощи техники и оборудования со стороны победившего пролетариата Запада?

Да, возможно. И не только возможно, но и необходимо, но и неизбежно, ибо мы уже строим социализм, развивая национализированную индустрию и ссылая ее с сельским хозяйством, вводя в деревне кооперацию и включая крестьянское хозяйство в общую систему мирового развития, оживляя советы и сливая государственный аппарат с миллионными массами населения, строя новую культуру и насаждая новую общественность. Нет сомнения, что трудностей на этом пути — многое множество, что нам придется еще пережить целый ряд испытаний. Нет сомнения, что дело было бы облегчено в корне, если бы подошла на помощь победа социализма на Западе. Но, во-первых, победа социализма на Западе „делается“ не так скоро, как этого

хотелось бы нам, вторых, трудности эти преодолимы, и мы уже преодолеваем их, как известно.

Объ всем этом я уже говорил в начале своей речи. Еще раньше говорил я об этом в своем докладе Московскому активу. А еще раньше говорилось об этом в моих „предисловии“ книжки „На путях к Октябрю“. Я говорил, что отрицание социалистических возможностей строительства в нашей стране есть ликвидаторство, ведущее к перерождению партии. Эта ля стоит теперь повторить еще раз уже сказанное раньше несколько раз. Поэтому я отсылаю вас к сочинениям Ленина, где вы найдете достаточное количество материалов и положений на этот предмет.

Хотелось бы только сказать несколько слов об истории вопроса и о значении его для партии в данный момент.

Если не считать дискуссии в 1903—1906 гг., то вопрос о строительстве социализма в одной стране впервые был поставлен в партии во время империалистической войны в 1915 г. Известно, что Ленин впервые формулировал тогда положение о „возможности победы социализма“ первоначально „в одной, отдельно взятой, капиталистической стране“ (см. „Против течения“, стр. 130). Это был период разрыва от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Известно, что тов. Троцкий тогда же оспаривал это положение Ленина, заявив: „б-наджино думать... что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы“ (см. т. III соч. т. Троцкого, ч. 1, стр. 89—90).

В 1921 году, после Октябрьской революции и гражданской войны, когда вопросы строительства становятся на очередь дня, вопрос о строительстве социализма вновь всплывает в партии. Это был период, когда поворот к „новой экономической политике“ расценивался некоторыми товарищами, как отход от социалистических задач, как отход от социалистического строительства. Известно, что Ленин в своей брошюре „О продналоге“ определял тогда поворот к „новой экономической политике“, как необходимое условие смычки индустрии с крестьянским хозяйством, как условие построения фундамента социалистической экономики, как путь к успешному строительству социализма. Это было в апреле 1921 года. Как бы в ответ на это, тов. Троцкий в январе 1922 года в предисловии к своей книге „1906 год“ выставляет совершенно противоположное положение по вопросу о социалистическом строительстве в нашей стране, заявляя, что „противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, могут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата“.

Через год после этого (в 1922 году) вновь противопоставляются друг другу заявления Ленина на Пленуме Моссовета о том, что „из России непочаской будет Россия социалистическая“, и заявление Троцкого в послесловии к „Программе мира“ о том, что „подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы“.

Наконец, еще через год, незадолго до своей кончины, Ленин вновь возвращается к этому вопросу в статье „О кооперации“ (март 1923 г.), заявляя, что у нас, в Советском Союзе, имеется „все необходимое для построения полного социалистического общества“.

Такова краткая история вопроса.

Уже из этой исторической справки видно, что проблема строительства социализма в нашей стране является одной из важнейших проблем нашей партийной практики. Едва ли нужно доказывать, что Ленин не стал бы к нему многократно возвращаться, если бы не считал его важнейшим вопросом нашей практики.

В дальнейшем развитии нашей экономики, обострение в ней борьбы между элементами социализма и капитализма, особенно же временная стабилизация капитализма, лишь обостряя и усиливая значение вопроса о возможности социалистического строительства в нашей стране.

В чем состоит важность этого вопроса с точки зрения партийной практики?

В том, что он затрагивает вопрос о перспективе нашего строительства, о задачах и целях этого строительства. Нельзя строить по-настоящему, не зная, во имя чего строить. Нельзя двигаться ни на шаг, не зная направления движения. Вопрос о перспективе есть важнейший вопрос нашей партии, привыкшей иметь перед собою ясную и определенную цель. Строим ли мы во имя социализма в расчете на победу социалистического строительства, или строим на-авось, вслепую, для того, чтобы „в ожидании социалистической революции во всем мире“ унаследовать почву для буржуазной демократии, — в этом теперь один из основных вопросов. Нельзя работать и строить по-настоящему, не имея ясного ответа на этот не менее ясный вопрос. Сотни и тысячи партийных работников, профессионалистов и кооператоров, хозяйственников и культурников, военных работников и комсомольцев обращаются к нам, спрашивают нас, спрашивают нашу партию — к чему вести дело, во имя чего строить? И горе тем руководителям, которые не сумеют или не захотят дать на этот вопрос ясный и определенный ответ, которые начнут влиять хаотом и станут посылать людей от Понтия к Пилату, тогда

в интеллигентском скептицизме социалистические перспективы нашего строительства.

Большое значение ленинизма в том, между прочим, и состоит, что он не признает строительства на зыбле, вслепую, что он не мыслит строительства без перспективы, что дает на вопрос о перспективе нашей работы ясный и определенный ответ, заявляя, что мы имеем все данные для построения социалистического хозяйства в нашей стране, что мы можем и должны строить полное социалистическое общество.

Так обстоит дело с вопросом о возможности построения социалистического хозяйства.

Другой вопрос — удастся ли нам наверняка построить социалистическое хозяйство. Это зависит не только от нас. Это зависит также от силы и слабости наших врагов и наших друзей вне нашей страны. Мы его построим, если нам дадут строить, если нам удастся продлить период „Передышки“, если не будет серьезной интервенции, если интервенция не будет победоносной, если сила и мощь международного революционного движения, с одной стороны, и сила и мощь нашей собственной страны, с другой стороны, будут достаточно велики для того, чтобы сделать невозможной серьезную попытку интервенции. И, наоборот, мы его не построим, если нас разгромят в результате успешной интервенции.

Из брошюры „Вопросы и ответы“ —
речь в Свердловском Университе-
те 9 июня 1925 г. 89 — 44 стр.

БУХАРИН.

У нас, товарищи, считали всегда в качестве основного вопроса вопрос о возможности при настоящих классовых силах и при настоящих классовых сочетаниях строить социализм в одной стране. Казалось бы, какое отношение имеет этот вопрос к данному моменту? А он имеет ближайшее отношение. Товарищи, этот вопрос мы отчасти уже дискуссировали в предыдущих дискуссиях, потому что со стороны ряда товарищей, которые были в оппозиции в первой дискуссии, именно этот вопрос ставился в первую очередь. Для чего мы тогда вытаскивали теорию перманентной революции? Мы вытаскивали ее потому, что нам казалось, — и я полагаю, что совершенно правильно, — что ошибки оппозиции таит в себе зародыш сомнений в возможности строить социализм в нашей стране. Мы имели отрицание идеи строительства социализма вместе с крестьянством, при пролетарском руководстве им, отрицание, покоящееся

на мысли, что крестьянство является абсолютным антагонистом и даже контр-революционным „союзником“ рабочего класса. При таком подходе совершенно естественно отрицать возможность строительства социализма в нашей стране. Мы в этих дискуссиях вполне забывали, мне кажется, для всей партии самое основное и точное убеждение в том, что из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем, что мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе, что этот рост социализма будет во много раз медленнее, что мы будем плестись черепашьим шагом, но что все-таки мы социализм строим и что мы его построим. По этому поводу у нас и разгорается спор на одном из заседаний Политбюро, примерно ко времени XIV партийной конференции. Я здесь утверждаю, и это может подтвердить целый ряд свидетелей, членом Центрального Комитета, что тов. Каменев, а за ним тов. Зиновьев защищали на этом заседании ту позицию, что мы не сможем строить до конца социализм из-за нашей *технической отсталости*. Мы об этом спорили с ними, мы из-за этого вопроса ломали головы. Мы соглашались с ними, что гарантии от интервенции, от новой войны, от реставрации, принесенной на штыках капиталистических армий, может быть только международная социалистическая революция; но мы оспаривали со всей строгостью выдвинутое ими положение, что мы должны погибнуть из-за нашей *технической отсталости*.

Мы считали, что это есть попытка стащить нас назад, на рельсы, которые мы уже прошли, на точку зрения, которую партия уже преодолела. Я должен сказать, что вся партия и весь партийный состав не могут сейчас удовлетворяться общими криками: „А что это такое! Строительство социализма в одной стране, это — национальная ограниченность!“ и проч. Извольте *расчлени*ть, товарищи, этот вопрос. Он не стоит так просто, как думают некоторые простачки, как многим это кажется. Он стоит *гораздо сложнее*. Вопрос о невозможности социалистического строительства в одной стране, понимаемый как отсутствие гарантии этого строительства из-за военно-интервенционной опасности, это — одно дело. А совсем, *совсем* другое дело, если ряд товарищей ставит вопрос таким образом, что мы не сможем справиться с трудностями строительного периода, потому что у нас отсталая техника, потому что у нас отсталая экономика, потому что у нас такое сочетание классовых сил, когда подавляющее большинство населения состоит из крестьянства. Вот в чем разница. Вот как стоял, действительно, вопрос. И этого нельзя никаким образом затушевывать. А т. Зиновьев, который написал книгу по основам ленинизма, этот вопрос затушевывает, потому что у него

расчленения этого вопроса совершенно нет. А спор именно и был в этом расчленении. Если тов. Звиновьев, действительно, хотел „по чести“ эту проблему разобрать, — а писал он книгу в высокой степени полемическую, а вовсе не академическую, и я абсолютно не делю ему в этом никакого упрека, — то он должен был разбирать эти две струи, эти две отчетливо сформулированные точки зрения, и не запутывать здесь публику. Я основываюсь на фактах и документах, а не на рассуждениях. Я основываюсь на факте спора, который был у нас в Политбюро, на тех поправках, которые внесли я и тов. Сталин в за которые мы боролись по этому вопросу. Так обстояло дело.

Из речи по отчету ЦК
на XIV съезде ВКП(б).

Строительство социализма в одной стране.

После того как я сказал об общей физиономии оппозиции, позвольте раз-брать по косточкам все главные вопросы наших разногласий. Вы знаете, что один из главнейших вопросов, — это вопрос о *строительстве социализма в одной стране*.

Я сегодня был на заводе Динамо, я нарочно поехал туда перед собранием, попросил, чтобы вызвали ко мне 20—30—40 низовиков рабочих, партийных и беспартийных, чтобы их пошутить, — что они думают по поводу нашей дискуссии. Конечно, эта разведка очень незначительная. Но разговор оказался очень полезным. Я должен сказать, что имеется целый ряд вопросов, затронутых в нашей дискуссии, которые находят в рабочих кругах чрезвычайно живой отклик, в том числе вопрос о *строительстве социализма в одной стране*, при чем здесь лишь в более резкой, в более грубой, более схематической форме ставятся те же вопросы и даются те же ответы на них, что и наверху. Один товарищ говорит: где же нам справиться в такой нищей стране, как наша, а другой отвечает: если мы заранее знаем, что не сможем справиться с этой задачей, то на кой черт нужно было делать Октябрьскую революцию? Если мы восемь лет справлялись, почему не справимся на девятом, на десятом, на сороковом? и т. д. По-моему, это совершенно правильная постановка вопроса: *ван так, или этак*.

Отсюда видно, что вопрос этот безусловно уже ухватался за сердце не только рядовика-партийца, но отчасти и беспартийного рабочего. Да иначе и быть не может, так как мы втянули в строительную работу огромную массу, в было бы аристократическим презрением к рабочему классу полагать, что широкое слои рабочего класса не интересуются вопросом о том, куда мы идем и куда придем. Мы были бы

слишком низкого мнения о широкых слоях рабочего класса, если бы полагали, что эти орехи доступны только нашим зубам. Изыняте, в другой фирме, может быть, не с такой логической закругленности, может быть, не в такой хорошей формулировке, но все эти вопросы безусловно мучают широкие рабочие массы. Поэтому, когда сколько-нибудь думающий рабочий наталкивается на различные отщепенческие стороны нашего теперешнего строя, когда он видит роскошные магазины и рядом беспризорных детей на девятом году революции, он невольно думает: куда мы идем? Разве рабочий не задает такого вопроса? Конечно, задает. И он прав, что задает такой вопрос. Он был бы безмозглым тупицей, если бы он не ставил такого вопроса. Наших рабочих-вызовников, — отчасти старых рабочих, *еще более новых*, только недавно пришедших из деревни на фабрики, все эти вопросы мучают, все эти вопросы они ставят перед собой, а более сознательные слои рабочих из партийных верхушек ставят эти вопросы перед собой отчасти под их давлением. Да иначе и быть не может, потому что наша партийная верхушка и наша партия в целом отражают все то, что находится за пределами партии, потому что мы являемся до известной степени выразителями всех этих настроений. Этот вопрос о строительстве социализма в одной стране есть тот же вопрос, который выдвигается любыми рабочими, который только формулирует его иначе: „какой чорт социализм, когда у нас тьма беспризорных и рядом роскошные магазины?“ Это тот же самый вопрос, только в грубой форме, тот же самый вопрос, который мы в более отточенной, в более правильно сформулированной форме ставим, как вопрос о *возможности строительства социализма в одной стране*.

Кот я и хотел бы, в первую очередь, остановиться на этом вопросе. Когда этот вопрос, вопрос о возможности строительства социализма в одной стране, ставит и на этот вопрос *утвердительно* отвечает большинство съезда, или, вернее, весь партийный съезд в том числе и аз грешный, тогда сейчас же начинается атака: „А, вот как, — вы хотите в одной стране устроить социализм? А, может быть, вы хотите строить социализм в одном уезде или в одной губернии? Может быть, в одной Чухломе желаете построить? А если так, то как это согласуется с нашей интернациональной программой? Не есть ли это узколобо-бolshevikская точка зрения национально-ограниченных остоловов? Не представляет ли это полный отказ от международной связанности от интернационализма, от марксизма, от ленинизма? Разве мы не говорили триста раз, что без международной революции нас сожрет международный капитализм, что главная наша ставка есть ставка на международную революцию? А раз вы строите социализм в одной стране, раз вы считаете,

что это возможно, то затем вам нужна международная революция? Не хотите ли вы под тем предлогом, что вы можете строить социализм в одной стране, в одной Чухоме или Багородске, понемножку выпарать из этой одной страны Коминтерн? Но как стоят вопрос, вот что говорят и что пускают в ход, что, ну, мол, конечно, именно здесь и есть заколбный национализм, что международная точка зрения отрицается, люди, мол, думают: интернационализм отрицается, что обойдемся и без международного пролетариата. Вот вам оппортунизм, вот вам кудацкий уклон, металл, жупя и прочее.

С такими „аргументами“ нужно считаться, они могут тоже жить в целом ряде голов. Эти головы могут думать, что большинство партий явным образом перерождается и идет по пути не только отказа от завоеваний Октябрьской революции, но и по пути отказа от своих международных обязанностей. Вот так приблизительно и завязывается узелок той сети аргументов, которая выставляется против нас. Я должен сказать, что я здесь в связанной форме передаю то, что оппозиция говорит в бессвязанной форме, но я думаю, что мне разрешено будет эту работу по-дружески за нее проделать, — это соответствует братской солидарности.

Так вот, товарищи, к этой аргументации нужно как следует присмотреться и со своей стороны на нее ответить и обосновать ту точку зрения, какую мы считаем правильной. Вся путаница в этом вопросе происходит оттого, что вопрос *считают проще, чем это есть на самом деле*. Если бы нас спросили, может ли без конца длиться такое состояние, когда международной революции нет, а мы как страна пролетарской диктатуры и социализма без конца существуем: может ли длиться без конца такое состояние, что никакой международной революции нет, а мы себе спокойно продолжаемся вперед, как на рельсах, строим стромы, и никто нас не трогает, — если бы нас спросили об этом, то, что мы должны были бы ответить? На этот вопрос нужно было бы ответить *отрицательно*, потому что совершенно ясно, что мы занимаем $\frac{1}{2}$ часть света и мы еще слабенькие, а $\frac{2}{2}$, занимают наши противники, и притом сильные противники, такая гигантская сила, как, напр., Соединенные Штаты, или такая огромная сила, как Британская империя, с их колоссальной военной техникой, с колоссальной мощью. Будут ли они пытаться нас когда-нибудь задушить, или же до скончания века будут спокойно на нас смотреть и благословлять наше существование? Ясно, что когда-нибудь между нами конфликт неизбежен. Можем ли мы с полной уверенностью сказать, что мы удержимся в этой борьбе, если и не будет помощи со стороны международной революции, если рабочий класс на Западе будет сидеть смирно? Конечно нет.

Мы просуществовали до сих пор в значительной степени потому, что хотя международная революция не победила в государственной власти рабочий класс не заговорил, но все-таки рабочий класс всех стран держал свою буржуазию за фалды и не пускал ее развязывать операции против нас; а с другой стороны, колониальные и зависимые страны, в род- Марокко, Сирии, Индии, Китае, доставляли капиталистическому обществу колоссальные неприятности. Если бы все это скинуть со счетов, то, может быть, мы бы по примеру наших венгерских товарищей, скапсулились. может быть, мы бы уже не существовали и не выдержали бы осады 1918—20—21 годов, если бы не было на нашей стороне сил международной революции, которая была в отчаянии есть, которая не побеждала до конца, но в то же время была огромнейшим политическим фактором. Это не подлежит никакому сомнению. Также не подлежит никакому сомнению, что если международная революция не будет развиваться, а, наоборот, будет все время глотнута, то, конечно, никакой гарантии, никакой уверенности в том, что мы не будем съедены капиталистами, что мы не будем поражены, что мы не будем терпеть колоссального ущерба и даже что мы не будем задавлены, — такой гарантии у нас нет, потому что против сил на стороне капиталистов еще очень велик. Отсюда вытекают наш курс, курс на международную революцию и с точки зрения пролетарского движения и международного масштаба, и с точки зрения развития нашего движения и нашей партии, — потому что это не есть две какие-то разные вещи.

Наши интересы совпадают с интересами международной революции, и интересы пролетарского движения в Англии, во Франции или в Германии совпадают с интересами укрепления, упрочения и развития нашего Союза. Идет ли об этом спор? Никакого спора об этом не идет. Нет никакого спора о том, что единственной гарантией от реставрации, от нападения капиталистов, от того, что они нас не задушат вооруженной рукой, что единственной гарантией от этого может быть только развитие международного пролетарского движения. Я должен сказать, что здесь есть и обратная зависимость, — что в значительной мере гарантией от страшной реакции на Западе является существование нашего Союза, потому что, если бы в один непрерывный день мы перестали существовать, то нашим рабочим класс во всех решающих странах был бы бесконечно больше, чем сейчас. Мы связаны самыми братскими кровными узами борьбы с рабочим классом всех стран, с колонизальными народами.

Но не по этой линии идет спор. По этой линии нет никаких разногласий и никаких споров, а есть спор по другой линии.

Т. т. Каменев и Зинovieв утверждали, что мы не выдержим из-за нашей технической и экономической отсталости. Об этом мы напоминали оппозиции на партийном съезде. И характерными являются здесь два факта: во-первых, товарищи отнюдь не оспаривали что они говорили это; во-вторых, они считали нужным вовсе не касаться этого вопроса, срываясь и полагая, что здесь у них самое слабое место, самое слабое «звено» всего их оптимистического «построения». Итак, мы этот пункт оспаривали, но это, ведь, вопрос совершенно другой, абсолютно другой, который к первому вопросу (о возможности нападения со стороны капиталистических держав) имеет только косвенное отношение. Мы все признаем и все можем и должны признавать, что единственной гарантией от нападений и столкновений с международным империализмом и возможным нашим порабощением является международная революция. Это не подлежит никакому оспариванию.

Но так ли обстоит дело, если мы поставим перед собой другой вопрос, вопрос о якобы неизбежной нашей гибели из-за технической отсталости? Этот вопрос более или менее можно постылку, постылку он ставится сейчас в рядах нашей партии в очень ясной формулировке. А по сути дела он совершенно не новый. Все наши противники из так называемого социалистического лагеря ставят его. Ибо, какой у них главный «аргумент» против нас, или какой аргумент они считают главным? Они говорят: «Неужели не марксизм — строить социализм в стране, в которой колоссальное количество населения состоит из крестьянства, а крестьянство есть мелкая буржуазия; это глупость — думать, что можно строить социалистическое общество в стране, где рабочий класс представляет собой маленькую горсточку населения. Несколько миллионов рабочих на 150 миллионов остального населения представляют маленький островочек в бушующем море мелкобуржуазной стихии». Решительно все группировки из социал-демократического лагеря говорят так. Больше того, в буржуазном лагере говорят то же.

В чем обвиняли постоянно Ленина? В том, что он построил новую, не марксистскую школу, что, по Марксу, якобы нельзя строить социализм в стране, где рабочий класс находится в подавляющем меньшинстве, а по Ленину, — можно. По социал-демократам — нельзя строить социализм в стране, где рабочий класс представляет маленькую часть всего населения, а по Ленину — оказалось можно. Наши противники нам говорят, что это отступление от марксизма.

И с этим вопросом увязав целый ряд других вопросов. Нам говорят: нельзя, чтобы было пролетарское государство там, где пролетариат в меньшинстве, — поэтому нужна

буржуазная демократия, поэтому нужен лозунг — „назад к здоровому капитализму“, как говорят меньшевики. Если мы возьмем не меньшевистский лагерь, а некоторые группы внутри нашей партии, в которой раньше такие оттенки мнений тоже были, то мы увидим, что такие оттенки мнений представлял тов. Троцкий, с которым мы прошлый и позапрошлый годы столь ожесточенно дискуссировали. Суть его мнения заключалась в том, что, с одной стороны, он был решительным образом против меньшевиков, когда те говорили: „за пределы буржуазной республики не прыгнешь“, а, с другой стороны, он был в против большевиков, когда большевики говорили, что можно продержаться в союзе с крестьянством. Он говорил: ничего подобного, крестьянам вам сейчас же наменит, и, неизбежно, после завоевания рабочим классом власти, будет драка между рабочим классом и крестьянством. Эта драка должна неизбежно кончиться поражением пролетариата и реставрацией, если не будет государственной помощи со стороны победоносного западно-европейского пролетариата. Победивший рабочий класс Запада поможет нам справиться путем своей высокой техники. А то, что проповедуется другими — это есть судавальский марксизм, который, как в одном месте у т. Троцкого очень картинно написано, — представляет собой марксизм в „большевистском изложении“, как бы Афродиту, отраженную в тульском самоваре. Так считалось необходимым изобразить дело. С этим течением мы вели борьбу. Ну, Афродита в тульском самоваре, пусть будет так, но если она „считывает действительности“, говоря словами Надежды Константиновны, то это очень хорошо. С такой Афродитой нам по дороге — „нам с лица не воду пить“.

Так обстояло дело. Партия боролась против этих оттенков? Боролась. В двух дискуссиях боролась, ожесточенно боролась. Что партия завоевала в этих двух дискуссиях? Завоевала твердое убеждение, что драка между рабочим классом и крестьянством после завоевания власти рабочим классом *необязательна* она *возможна*, но не *обязательна*. Если бы она случилась и получился бы раскол между этими двумя классами, тогда мы, конечно, погибли бы, но при правильной политике с нашей стороны это вовсе не обязательно. Тов. Ленин в своем политическом завещании, которое он нам оставил, то же самое поставил так вопрос: раскол между рабочим классом и крестьянством возможен, но не необходим.

А если раскол между рабочим классом и крестьянством не необходим, то что это значит? Это значит, что мы не погибем, несмотря на то, что у нас отсталая страна, что мы потихонечку будем спускаться на коняге мужицкой, а потом на коне нашей металлургии, а потом на коне нашей

электрификации двигаться. Куда? К социализму. Вель так мы все рассуждаем. В этом была *главная идея, которая была положена в основу политического завещания Владимира Ильича*. Тов. Ленин написал еще в последнее время своей жизни великолепнейшую статью против Суханова, где он поставил вопрос прямо: да, наша страна очень отсталая, да, мы, не имея большой экономической базы, сперва завоевывали политическую власть, а потом можно медленными шагами, — благодаря тому, что на международный капитализм с одной стороны наступают колониальные народы, с другой — пролетариат, — медленными черепашьями шагами идя, можно камешек за камешком строить социализм. Когда товарищи говорят, что мы погибнем или можем погибнуть от нашей технической отсталости, это, конечно, не значит, что на нас прут „отсталые“ орудия труда, — рубанок, скажем, свергает Политбюро ЦК ВКП. Это значит, что ваша техническая и экономическая отсталость приводит к тому, что мы обязательно рассоримся с мужиком и что он нас, может быть, рубанком по голове стукнет. Речь идет, следовательно, о том, что из отсталости техника и экономика обязательно якобы должны вытечь расхождение между пролетариатом и мелкой буржуазией и победа последняя.

Мы боролись против этого, мы говорили, что это неправильно, будто бы обязательно будет конфликт. Мы говорили, что раскол между основными классами нашей страны *необязателен*; что мы можем индустрию держать притертой к крестьянскому хозяйству и не отрываться от крестьянского хозяйства, держать с ним связь, что мы будем идти с этой большой массой, хотя и медленными шагами, но все-таки идти вперед и потихоньку делать свое дело, которое есть дело медленного, очень медленного, но все же строительства социализма. Вот как мы ставили вопрос.

Разве эта точка зрения сейчас должна быть отвергнута? Есть ли для этого какие-нибудь основания? Есть ли у нас основания отказываться от всего того, за что мы с таким азартом боролись два года тому назад во время дискуссии с тов. Троцким? Откуда у нас появилась мысль, что нам нужно идти назад? Неясно это. Наоборот, нашу партию мы настроили на такой над, что она получила твердое убеждение в правильности этой линии. Никаких дополнительных аргументов здесь сторонника противоположного взгляда нам не приводили, а теперь вдруг выныривает эта история, что мы, пожалуй, „погибнем“ из-за нашей технической и экономической отсталости! Это *возврат к уже изжитым позициям*, это реакционная попытка нашей партийной мысли. Нас тащат по сути дела к Троцкому старых времен, а через него еще дальше.

Мы этого не желаем. И мне кажется, что правы те рабочие, с которыми я сегодня беседовал, которые говорили: «Если бы это было так, как говорят они, что мы обязательно погибнем от технической и экономической отсталости, то зачем же было продвигать Октябрьскую революцию, зачем при таких издержках было огорождать городать?» Они правы, когда говорят: «Послушайте, мы подангаемся сейчас вперед. Два года минимум мы идем уже вперед, почему мы в на будущий год не сможем идти вперед? Почему обязательно мы на будущий год погибнем? Какие есть основания, что мы на будем в течение *следующего* года усиливаться? Если мы в более трудное время усиливались, почему мы дальше не сможем усиливаться, почему будущий год для нас закрыт? А если будущий не закрыт, то почему последующий год перед нами закрыт? И где конец здесь, где получится «необходимый» якобы провал? Технику нашу мы все-таки все время улучшаем. Если мы при слабоб, дрянной технике, при полной разорке, когда металлисты делали зажималки, — не погибли, почему мы погибнем, когда мы достигли почти довоенного уровня промышленности? Непонятно! Никак концы с концами не сводятся, я разум человека не может указать предел, где мы будем проваливаться от отсталости, когда мы *каждый год эту отсталость преодолеваем*. Вот в чем суть.

Нам совершенно ясна такая идеология, которая представляет собой известный скептицизм, безверие, как сказано в резолюция партийного съезда, — безверие в социалистическое строительство у нас, а ведь если наверху партии, в ее руководящих кругах, проявляется безверие, то внизу это может превратиться в прямое отрицание.

Если, скажем, кто-нибудь из нас «наверху» громко говорит: «пожалуй, ребята, мы не справимся, мы, пожалуй, скорее всего, необходимо должны будем погибнуть без международной революции», то внизу повторят в десять раз громче: «на кой чорт огород городать, зачем становиться?»

Так говорить нельзя, здесь скептицизм переходит в уже прямое отрицание возможности строительства социализма. А по сути дела, если рассмотреть весь этот круг идей с логической стороны, то это есть возврат к *старой* доктринской постановке вопроса. То, против чего Ленин полемизировал, сейчас отыгнулось совершенно неожиданно в новой форме: говорят о том, что мы обязательно должны погибнуть от нашей технико-экономической отсталости.

Мы прямо против этого полемизировали на партийном съезде. Повторяю, это вы можете проверить по бюллетеням съезда, — никто не сказал, что мы неизбежно цатыруем слова т.т. Каменева и Зиновьева о технико-экономической отсталости, никто нам не возражал. По существу оппонентов

не было дано ответа по этому поводу. Это значит, кое у кого рыльце в пушку. И вот эти владельцы „рылец в пушку“ отлично понимают, что это их слабый пункт, по которому можно бить, а это действительно слабый пункт, который можно назвать как угодно, но не пунктом, который соответствует на 100% Ленинизму.

Вот первый большой крупный вопрос. Кого практическое значительнее легко понять всякому практическому работнику партии. Он, правда, не содержит в себе никакого конкретного предложения в смысле улучшения той или другой отрасли производства и т. п., но *дает определенный толчок нашей работе*. Представьте себе такое положение вещей, что если бы вот бы во весь рост встал бы весь партия: „Мы обязательно погибнем от технико-экономической отсталости, если не будет международной революции“. Что бы было, я не знаю. Если бы черт знает что! А ведь совершенно естественно, что, если политический деятель такую шутку говорит, он должен говорить с таким расчетом, что он сможет повторить это от имени всего партийного центра.

Политическому, здесь вопрос можно считать исчерпанным и конкретнее формулировать его так: две проблемы существуют. — Вопрос о гарантии прогнившей буржуазной реставрации — это одно. Второй вопрос о том — погибнем ли мы обязательно или не погибнем от нашей технико-экономической отсталости. По первому вопросу мы говорим: без международной революции у нас гарантии от реставрации нет.

А от технико-экономической отсталости мы не погибнем, потому что мы ежедневно, ежемесячно и ежегодно будем эту технико-экономическую отсталость преодолевать. Наш хозяйственный рост и есть постоянное преодоление этой технико-экономической отсталости.

Из доклада на собрании актовых работников Москомхоза и организации об итогах к XIV Съезду ВКП(б) „Правда“ от 10 января 1926 г.

М. КАГАНОВИЧ.

Наш путь — путь к социализму.

Отчет работы партии за эти полтора года, опыт нашего хозяйственного строительства полностью подтвердил, что мы сумели не только завоевать власть в отсталой, отсталой стране, но и то, что мы умеем в сложнейших, труднейших условиях двойного окружения — внутреннего окружения огромной массой 22 миллионов крестьянских разорванных хозяйств и окружения капиталистического, мирового, — что

в этих тяжёлых условиях мы умеем двигаться вперед в деле строительства настоящей социалистической экономики. Именно это и определяет линию нашей партии, именно строительство социализма лежит в основе нашей политики.

Мы Октябрьскую революцию совершили для строительства социализма. Мы новую экономическую политику вводили не просто для того, чтобы удержать власть в своих руках, мы ввели новую экономическую политику и удерживаем в своих руках власть для основного — для строительства социализма. И, подходя к анализу, подхода к оценке работы партии за полтора года, мы обязаны подойти к ней с точки зрения того, насколько партии удастся строить социализм в условиях новой экономической политики, т.е. в условиях новых форм отношений между государственной промышленностью и сельским хозяйством — через рыночные отношения. Именно этим проблемам Ленину посвятил наиболее яркие, наиболее талантливые свои труды о продвигал, о кооперации в статье „Лучше меньше, да лучше“. Именно эти три сочинения Ленина являются тем настоящим завещанием его, которое партия должна помнить, которое партия должна изучать и по пути которого партия должна неустанно идти.

Ленин дал нам план продвижения к социализму в настоящих трудных условиях. Ленин рассматривал новую экономическую политику не как отступление от идеалов военного коммунизма к чему-то неясному, к чему-то расплывчатому, что не даст нам в перспективе продвижения вперед к социализму. Тот, кто ставит вопрос таким образом, кто рассматривает новую экономическую политику лишь как частичное отступление, приемлемое только в условиях нашей страны, тот неизбежно приходит к отрицанию самой новой экономической политики. Ленин на IV конгрессе Коммунистического Интернационала декларировал от имени партии, что новая экономическая политика есть неизбежная переходная ступень для всех стран, а не только для нашей страны. Ленин предвидел неизбежное наступление нашей социалистической экономики на базе новой экономической политики. Именно наступление социалистической экономики, а не какой-либо другой. Тот, кто подвергает сомнению это основное положение, что мы на базе новой экономической политики будем продвигаться вперед, будем наступать нашей социалистической экономикой, тот подвергает сомнению все планы Ленина о строительстве социализма при новой экономической политике.

Мы, товарищи, должны это твердо установить, ибо это определяет генеральную линию нашей партии. Генеральная линия нашей партии шла по следующему основному руслу:

мы допустили рядом с социалистической экономикой развитие системы частного капиталистического хозяйства, и мы считаем это новой формой классовой борьбы между нарождающейся буржуазией и пролетариатом, владеющим государственным хозяйством. Мы знаем, что это таит в себе большую опасность, мы не думаем, что мы нашего противника шапками закидаем.

Мы знаем твердо, что борьба на рынке является тем экзаменом, который мы выдерживаем с гораздо большим трудом, чем экзамен, который новые члены партии выдерживают в школах полниграмоты. Мы знаем, что задача эта трудная, но мы, сознавая это, выдвигаем эту основную боевую задачу — рост нашей социалистической промышленности, форсирование развития нашей промышленности. И здесь мы должны установить для себя одно исходное принципиальное положение, которое решает собой целый ряд других принципиальных положений.

Что такое, в основе своей, наша государственная промышленность? Является ли наша государственная промышленность элементом социалистическим?

Каждый из вас помнит ту классификацию, которую Ленин дал в своей книжке о продналоге, классификацию нашего хозяйственного строя, который делится у нас на пять укладов. Мы имеем всевозможные элементы хозяйства: натуральное, мелкое крестьянское хозяйство, частно-капиталистическое, мы имеем государственный капитализм, и мы имеем, наконец, социализм — пятый элемент, о котором говорил Ленин.

Куда мы подводим нашу государственную промышленность? Подводим ли мы ее под рубрику государственного капитализма? Тогда отсюда следует ряд серьезных политических выводов, которые, по нашему глубочайшему убеждению, будут ошибочными и губительными.

Мы считаем, что ЦК исходил в своей работе именно из того положения, что наша промышленность является промышленностью социалистической. Ленин не подводил ее под определение государственного капитализма. Ленин считал, что государственный капитализм, это — концессии, смешанные акционерные общества, частично кооперация и т. п. элементы капиталистического хозяйства, которые мы допускаем на условиях государственного контроля. И, товарищи, не является случайностью, что именно в последний период — да в все время — зсэры в своем журнале „Воля России“ и меньшевики в своем журнале „Социалистические Вестник“ все время бьют в эту точку; они твердят, что у нас в стране — не социалистическая промышленность, что у нас в стране — капитализм, который называется, по хитрости, — говорят они, Ленина, — „государственным“, и отсюда они делают выводы,

что у нас — эксплуатация рабочих, откуда они противопоставляют рабочих госупарству, откуда они делают выводы о провале нашей экономики. И тот из членов партии, который хотя бы в малейшей степени, хотя на один процент допускает кривотолки, допускает сомнение в этом кардинальнейшем основном для нас вопросе, тот невольно играет наружу нашим врагам.

Мы считаем, что промышленность наша есть база диктатуры пролетариата. Отрицая промышленность, как социалистическую, мы отрицаем базу диктатуры пролетариата, отрицая возможность наступления социалистической экономики на базу непи. А мы утверждаем, что мы за последние полтора года имеем особенно серьезный, крупный рост нашей социалистической экономики, именно — наступление ее. Только так и можно формулировать вопрос.

Вторая линия нашей политики — сельскохозяйственная, крестьянская политика. Мы исходим из того, что мы, пролетарская власть, имеющая в своих руках промышленность, банки, железные дороги, нефть, уголь, что мы в силах регулировать стихию крестьянского рынка. Исходя из этого, мы на XIV партийной конференции взяли твердый курс на рост производительных сил сельского хозяйства, ибо мы считали, что рядом с этим будет расти социализация промышленности, будут усиливаться те рычаги, которыми мы будем регулировать рост производительных сил в сельском хозяйстве и стихию частного хозяйства, которое, разумеется, без регулирования может нас захлестнуть.

И, не случайно, товарищи, что мы имели и имеем кое-где неясности, туманности, колебания, даже известные элементы панического страха перед растущими элементами капитализма, допущенными нами же на условиях государственного контроля. Это вытекает из того, что имеются сомнения, является ли социалистическая промышленность действительно социалистической. Отсюда и сомнения в том, сумеем ли мы руководить той стихией рыночного хозяйства, крестьянского хозяйства, которую мы допустили.

Мы, товарищи, исходили из того, что в своей крестьянской политике мы должны стремиться укрепить союз крестьянства с рабочим классом, что даст возможность пролетариату через промышленность и экономику регулировать растущие элементы капитализма, которые неизбежны.

Мы имеем, я повторяю, элементы тех двух уклонов, о которых здесь говорил тов. Калинин: с одной стороны, уклон, который выражается в страхе перед намеченной Лениным еще в 1921 году политикой допущения в нашем хозяйстве элементов капитализма. Мы, марксисты-ленинцы, всегда понимали и знали, для нас не новость то, что из почвы новой экономической политики и свободной торговли будет

вырастать частный капитал, будет вырастать кулак. Задача заключается в том, чтобы не шарахаться то в одну, то в другую сторону: задача заключается в том, чтобы, взяв твердо ленинский курс в крестьянской политике, твердо проводить его, усиливая наряду с этим элементы социалистического хозяйства, способные регулировать рост производительных сил в стране.

Из отрицания социалистического характера нашей крупной государственной промышленности вытекает скептическое отношение к плану Ленина о строительстве кооперации, ибо Ленин видел в кооперации путь к вовлечению середняцкого массового хозяйства в орбиту социалистического хозяйства, в общую систему советского хозяйства.

А из признания нашей промышленности социалистической вытекает та уверенность, которую Центральный Комитет партии на протяжении полутора лет проявлял в своей политике.

ЦК партии не допускал никаких сомнений в том, что мы при всех трудностях будем расти, что, несмотря на то, что враги наши занимаются подготовкой наших похорон (сейчас все их газеты этим полны), хороят они не советскую власть. Они очень милостиво пытаются идеологически, теоретически похоронить ленинскую коммунистическую линию. Посмотрите-ка на эту торжествующую свистопляску Устрялова, считающего себя диалектиком буржуазной идеологии. Он писал: вы идете к перерождению; партия ваша перерождается; вы становитесь настоящим национально-буржуазным государством; вы идете по пути кулацкого прерождения и т. д.

ЦК партии ни на одну ноту не поддавался этому влиянию. Ленин нас учил, что надо прислушиваться, надо изучать классовую правду классового врага, но Ленин никогда нас не учил тому, чтобы мы — закаленные бойцы ленинизма — поддавались паническим рассуждениям Устрялова и ему подобных о перерождении. Мы считаем, что нас, прошедших школу десятилетия борьбы, не запугают господа Устряловы. Пути наши верны, в этом мы убеждены потому, что пути наши проверены жизнью и, в частности, тем, что мы выходим на съезды партии с полной уверенностью в том, что партия единодушно одобрит ту уверенность, спокойную, без всяких дерганий, политику, которую вел ЦК в течение этих полутора лет.

Наши выводы основаны не на оталеченных умозаключениях: как марксисты-ленинцы, мы прекрасно понимаем, что в политике надо оперировать не оталеченными рассуждениями, а реальными величинами, хладнокровным анализом классового соотношения сил, фактами и цифрами роста нашей экономики. Наши выводы основаны на сухих цифрах Госплана, в которых звучит великолепная музыка растущего

социализма, — как выразился в своей статье „К социализму или капитализму“ тов. Троцкий. Оптимизм и уверенность Троцкого партия помнит по 1923 г. Тем более ценно для нас то, что товарищ, который одно время обладал уверенностью в том, что ЦК ведет страну к гибели, что этот товарищ сейчас эту уверенность заменил уверенностью в том, что ЦК ведет страну к социализму.

Что же, товарищи, мы не злопамятны, мы люди не мстительные, мы удовлетворяемся тем, что тов. Троцкий хоть сейчас, хоть в 1925 г., заменил или заменяет прежнюю пессимистическую уверенность уверенностью в победе социализма, уверенностью в том, что путь, по которому ведет ЦК нашу партию, приведет страну к социализму.

Из доклада на IX Съезде КП(С)У

СОЛОВЬЕВ

„О победе социализма в одной стране“ и национальной ограниченности.

Невероятную путаницу вносит в головы пророков нашей деревни вопрос о победе социализма в одной стране.

Весь стою на камне,
Разве брошусь в море...
Что пошлет судьба мне.
Радость или горе?
Может озадачить,
Может и обидеть.
Ведь кузнечик скачет, —
А куда не видит*.

Бросившиеся в море теория Ян Стан и прочие скакнули, как Прутковские кузнечики. Подменяя Ленинское слово „строить“ словом „построить“, оные рыцари ортодоксии установили: победа социализма в одной стране возможна, обязательна и должна быть. Что с подобной теорией можно ускакнуть от Ленина в стая национальной ограниченности, это мало смущает „героев нашего времени“. Для них социализм победил уже в 1917 году. И именно результатом этой победы явилась диктатура пролетариата. Для них диктатура пролетариата — не борьба за социалистический строй, а непосредственно социализм.

Что такое окончательная победа социализма?

„Под окончательной победой социализма следует понимать, во крайней мере, во-первых, уничтожение классов и, стало-быть, во-вторых, упразднение диктатуры одного класса, и в данном случае — диктатуры пролетариата“ (291). Все склонные признать возможность социализма

в одной стране подходят к вопросу, в высшей степени, абстрактно; они рассуждают вообще, они рассматривают конкретную советскую страну, в конкретной исторической обстановке, в конкретном буржуазном окружении. В таком подходе и кроется, прежде всего, глубочайшая методологическая ошибка. Возможна ли, по Ленину, победа социализма в одной стране? — Нет, «окончательная победа социализма невозможна в одной стране. Окончательная победа социалистического строя над капиталистическим решается в международном масштабе» (302). Не было ни одного выступления на конгрессах Коминтерна, ни одной крупной статьи, посвященной оценке русской революции, где бы он не указывал на связь нашей революции с мировой и на внедрение в сознание русского пролетариата мысли о том, что «одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию он не может».

Сейчас в моде крики о пессимизме и неверии в социализм. Мы их слышим в каждой речи, в каждой статье служилого люда. Этот люд пытается создать свою философию революции в отличие от ленинской. Мы готовы быть вместе с Лениным и пессимистами и не променяем ленинизма на оптимизм профессорско-служилой рати. Ленин из невозможности окончательной победы социализма в одной стране не выводил, однако, как это делают социал-демократические теоретики, невозможность победы пролетарской революции. Наоборот: из неравномерности капиталистического развития Ленин выводил объективную возможность и неизбежность победы революции в одной стране, как прорыв капиталистического фронта, как начало строительства социализма в международной пролетарской революции. По Ленину дело представляется так: окончательная победа социализма в одной стране — невозможна, но строительство социализма в ней необходимо и возможно, ибо, только строя социализм, мы способствуем развитию мировой революции. Автор великолепно рисует нам облик Ленина в международном революционере. Через всю книгу красной нитью проходит одна мысль: учение Ленина интернационально по существу своему, по размаху и значению. Каждый вопрос революционной борьбы в России Ленин решал не иначе, как исходя из интересов мирового рабочего движения. Эту сторону ленинского учения, его дух — нужно подчеркнуть с особой силой. Нам необходимо, как партии пролетариата, осуществляющей диктатуру в нынешней обстановке, поддерживать и беречь эти массовые настроения в нашей стране, которые связывают нашу судьбу с судьбами революционного международного движения, ибо мы держим курс на международную революцию. Быть международным революционером сейчас, — это значит по мере сил работать

над укреплением социалистической России и в то же время не забывать, что окончательно она будет социалистической только с победой международной революции.¹⁾

Из статьи в „Ленинградской Правде“
от 18 декабря 1925 г.

„Из современной борьбы за ленинизм“.

АНДРЕЕК.

Как ставят вопрос рабочие.

Товарищи, что говорит рядовая партийная масса, как расценивает она все, что происходит в партии, все, что происходит в Ленинграде? Я приведу небольшой, но характерный пример. На одном из групповых собраний коллектива выступает стария, член партии, и заявляет в ответ на бывшие здесь выступления с толстойшими томами, книгами и всяческими выдержками, цитатами, которые они надергали:

Товарищи дорогие, скажите нам прямо, как членам партии, как коммунистам, — можно построить или нельзя построить социализм? Вот как нужно вопрос ставить по-большевистски. А после этой путаницы, которую нам преподносят, рядовой партизан уже совершенно не знает, чего вы хотите. Вот как смотрят на это рядовые партийцы Ленинграда, которые своим рабочим чутьем, своим интуитом видят, где правда.

Из приветственной речи представителя Ленинградского завода „Прометей“ на XIV Съезде. См.
„Правда“ от 30 декабря 1925 г.

¹⁾ В этой статье, посвященной книге т. Зиновьева „Ленинизм“, автор противопоставляет теорию построения социализма в одной стране интернациональным идеям ленинизма. Такое противопоставление, которым гремит вся оппозиция, ничего общего не имеет с действительным, не искаженным ленинизмом. *Ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Как проработать тему „О возможности строительства и построения социализма в одной стране“	3
Материалы для проработки	5
Из резолюции XIV съезда ВКП(б) по отчету ЦК	—
IX съезда ВКП(б) У по докладам ЦКРКП(б) и ЦК(б) У	—
XIV московской губпартконференции по докладу ЦКРКП(б)	8
Из декларации XXII ленинградской губпартконференции к московской губпартконференции	9
Из ответа Московского Комитета РКП(б) на декларацию ленинградской губпартконференции	—
Из резолюции XIV всесоюзной конференции РКП(б) о задачах Компартии	11
Ленин. Отрывки из статей „О нашей революции“, „Кооперация“ „лучше меньше да лучше“	12
Сталин. Отрывки из книг „О Ленине и ленинизме“ „На пути к Октябрю“, „К итогам работы XIV партконференции РКП(б) У и „Вопросы и ответы“	17
Бухарин. Отрывки из речей на XIV съезде ВКП(б) и на собрании Московского партактива об итогах XIV Съезда	37
Каганович. Из доклада на IX Съезде ВКП(б) У	47
Соловьев. „О победе социализма в одной стране“ в национально-ограниченности (из статьи в „Ленинградской Правде“ от 18 декабря 1925 г.)	52
Андреев. Как ставят вопрос рабочие (из ответственной речи на XIV Съезде от ленинградского завода „Прометей“)	54